“ADOLAT”
MILLIY HUQUQIY AXBOROT MARKAZI
Guvohnoma № 636478
Litsenziya C-5669732

“HUQUQ va BURCH+” —
«ПРАВО и ДОЛГ+» —
"RIGHT and DUTY+"
Journal home page:
https://adolatmarkazi.uz/magazine/electron?id=351

2026-yil
2-son
fevral
ISSN 3093-8546

Смарт-контракты и Электронные Договоры: Особенности и Различия в Регулировании

Рашид Шарапов,
Преподаватель сектора Гражданского процессуального и экономического процессуального права ТГЮУ
Юрист
e-mail: sharapov.rashid@gmail.com

Аннотация. Ushbu maqolada elektron shartnomalar va smart-kontraktlarning milliy hamda xalqaro huquqdagi huquqiy tartibga solinishi xususiyatlari tahlil qilinadi. O‘zbekiston Respublikasi, Qozog‘iston, Belarus, Rossiya va AQSh qonunchiligi qiyosiy tahlil qilindi. Elektron shartnomalar va smart-kontraktlar o‘rtasidagi asosiy farqlar, jumladan shakli, ijrosi va yurisdiksiya masalalari aniqlandi. Tadqiqot natijalariga ko‘ra, elektron shartnomalar huquqiy jihatdan aniq e’tirof etilgan bo‘lsa, smart-kontraktlar hanuzgacha huquqiy noaniqlik doirasida qolmoqda. O‘zbekiston qonunchiligidagi mavjud bo‘shliqlar qayd etilib, ularni bartaraf etish yo‘llari taklif etiladi.

Калит сўзлар. smart-kontrakt, blokcheyn, elektron raqamli imzo, raqamlashtirish, markazlashmaganlik.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования электронных договоров и смарт-контрактов в национальном и международном праве. Проведен сравнительный анализ законодательства Республики Узбекистан, Казахстана, Беларуси, России и США. Определены ключевые различия между электронными договорами и смарт-контрактами, включая вопросы формы, исполнения и юрисдикции. Установлено, что электронные договоры получили четкое правовое признание, тогда как смарт-контракты остаются в зоне правовой неопределенности. Отмечены пробелы в законодательстве Узбекистана и предложены пути их устранения.

Ключевые слова. смарт-контракт, блокчейн, ЭЦП, цифровизация, децентрализованность.

Annotation. The article examines the features of legal regulation of electronic contracts and smart contracts in national and international law. A comparative analysis of the legislation of the Republic of Uzbekistan, Kazakhstan, Belarus, Russia, and the United States is conducted. The key differences between electronic contracts and smart contracts are identified,

including issues of form, execution, and jurisdiction. It is established that electronic contracts have received clear legal recognition, while smart contracts remain in a zone of legal uncertainty. The gaps in the legislation of Uzbekistan are noted, and possible solutions for their elimination are proposed.

Keywords. smart contracts, blockchain, e-signature, digitalisation, decentralization.

Введение/ Introduction

В современную эпоху стремительного развития новых технологий существенно трансформировалось представление о правовом регулировании гражданско-правовых отношений, в том числе вытекающих из договорных обязательств. Как отмечал Дин Кеймен на выступлении *D&B Capital Markets Australia, 2001*: - "Время от времени новая технология, старая проблема и смелая идея превращаются в инновацию". Большую роль в изменениях сыграла цифровизация: бумажные носители информации потеряли свою актуальность, а представление о документообороте и формах взаимодействия стали меняться. Электронная коммерция, электронные договора, smart-города, дистанционные сделки - все это формирует новую правовую реальность. Одним из ключевых элементов данной цифровой трансформации стали электронные документы и смарт-контракты, как новый вид заключения сделки (Bazhina & Shchekochikhina, 2024).

Большинство стран мира стало прибегать к полному переходу к электронному документообороту, в том числе и Республика Узбекистан, которая приняла достаточно немалое количество нормативно-правовых актов, регулирующие данные новшества. Один из таких нормативно-правовых актов является Закон Республики Узбекистан №116-II от 29.04.2004 г. "Об электронном документообороте". Из чего, можно понять, что электронные договора уже давно получили свое признание в законодательстве многих стран и в данных нормативных актах четко определен порядок заключения электронных сделок, использования электронной цифровой подписью и их юридическая сила. Однако с появлением альтернативного механизма заключения сделок, а именно смарт-контрактов - автономных программных алгоритмов (как правило- коды), способных исполнять договора без вмешательств сторон - поставило перед правом ряд неотрегулированный и новых вызовов. Статус смарт-контрактов является по сей день неопределенным и имеет лишь косвенные нормы, так как многие страны и многие ученые не сходятся на одном мнении касательно регулирования их. Главная проблема заключается в том, что смарт-контракты часто выходят из рамок классических представлений о волеизъявлений сторон и в сложности определения того, насколько их алгоритмы соответствуют классическим правовым категориям договора

(Abdurakhmanova, 2023).

Следовательно, целью данного исследования являются выявление и анализ особенностей правового регулирования электронных договоров и смарт-контрактов, определить их различия и предложить направления совершенствования законодательства Республики Узбекистан, исходя их международного опыта.

Объект исследования - цифровые и электронные формы сделок.

Предмет - особенности и различия правового регулирования электронных договор и смарт-контрактов.

II. Методы/ Methodology

Исследовании данной работы было основано на аналитическом, сравнительно-правовом и системном методах. Аналитический метод использовался при изучении теоретических аспектов, нормативно-правовых норм и правовых доктрин, связанных с определением правовой природы и механизма регулирования как электронный договоров, так и смарт-контрактов.

Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить различные подходы и практику различных стран, как Республика Узбекистана, Беларусь, Казахстан, и США, к регулированию электронных договоров и смарт-контактов. Что позволило определить и выявить в сравнении проблемные моменты и пропуски в законодательстве Республики Узбекистан.

Системный подход применялся для выявления выявления взаимосвязей между правовыми нормами регулирующие смарт-контракты и электронные договора и технологическими инструментами, обеспечивающими их исполнение. Так как для полного анализа проблемных моментов данной статьи были взаимодействовать не только глубокое изучение нормативной базы, а также и технических аспектов новых технологий.

III. Результат/ Results

В ходе проведения исследования были выявлены ключевые особенности электронных договоров и смарт-контрактов через призму законодательств разных стран, а также проблемы, связанные с автоматизированным исполнением и вопросами юрисдикции.

Анализ национальных законодательств показал, что **э**лектронный договор представляет собой сделку, заключенную в электронной форме, где ключевую роль играет электронная цифровая подпись (далее - “ЭЦП”). А исполнение таких договоров, как правило, зависит от действий сторон или посредников, что сближает их с традиционными гражданско-правовыми соглашениями.

Во всех рассмотренных юрисдикциях электронные договоры признаются юридически значимыми. В Республике Узбекистан электронные договоры представляют с собой

“информацию, зафиксированную в электронной форме, подтвержденная ЭЦП и имеющая другие реквизиты электронного документа, позволяющие его идентифицировать”. Помимо того, в самом Гражданском Кодексе Республики Узбекистан электронные договоры приравниваются к простой письменной форме сделки. Схожие положения закреплены и в законодательствах других стран СНГ. В частности, законодательство Казахстана признает электронные договоры как письменная форма сделки и допускает “при совершении сделки использование средств факсимильного копирования подписи, ЭЦП”, что также повторяется в законодательстве Беларуси.

На уровне англосаксонской правовой системы, США на нормативном уровне закрепили аналогичных подход. Согласно Закону об электронных подписях в международных и внутригосударственных торговых отношениях (*Electronic Signatures in Global and National Commerce Act*), “контракт, относящейся к ведению деловой операции не может быть признан незаконным, недействительным или ничтожным по причине того, что он является электронным документом и скреплен электронной подписью.”

На универсальном международном уровне Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле 1996 года указывает на то, что если закон требует, чтобы информация была предоставлена в письменной форме, это требование считается выполненным, если информация содержится в электронном сообщении (data message) и доступна для последующего использования или ссылки.Таким образом, электронные договоры уже получили широкое признание в законодательстве большинства государств, что обеспечивают их правовую устойчивость.

Правовой анализ смарт-контрактов же, показал, что их правовая природа вызывает множество вопросов, связанные с юридической значимостью и механизмов правового регулирования. Было установлено, что смарт-контракт по своей правовой природе больше характеризуется автономностью исполнения, где права и обязанности сторон реализуются на автоматическом уровне через программные алгоритмы (так называемые - алгоритмы блокчейна). Следовательно, реализация смарт-контракта возможна исключительно на основе применения программного кода, что отличает их от традиционных электронный и письменных форм сделок. Несмотря на широкую техническую распространённость, юридическое признание смарт-контрактов остается ограниченным (Rubinich et al., 2023).

Страны как Республика Узбекистан, Россия и Республика Казахстан не имеют отдельных законов и норм, регулирующих смарт-контракты, несмотря на то, что такие договора видят свое практическое применение в финансовых и коммерческих

транзакциях. Так, Республика Узбекистан упомянула смарт-контракты лишь как договор в электронной форме, исполнение прав и обязанностей по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций.

В то время как Беларусь напротив, одна из первых стран, признавших смарт-контракты равными по юридической силе с традиционными договорами. Также и США, начиная с 2017 года на уровне отдельных штатов, в том числе штат Аризона, приняли нормативную базу, а именно Биль о правовом регулировании блокчейн-технологии (Blockchain Bill Into Law) квалифицирующий подписи, созданные с применением блокчейн технологий и через смарт-контракты - электронными подписями.

Следовательно, сравнивая правовые аспекты как электронных договоров, так и смарт-контрактов, были выявлены различия, представленные в данной таблице:

IV. Обсуждение результатов/ Discussion

A. Электронные договоры

Анализ законодательств различных стран показывает, что электронные договоры обладают четким правовым статусом и широко применяются, тогда как смарт-контракты остаются в правовой неопределенности. Это создаёт ряд проблем, связанных с классификацией договоров, автоматическим исполнением, что подчеркивает необходимость дальнейшей доработки нормативного регулирования (Buyanova & Batusova, 2024).

Переход к электронному документообороту в целом обуславливает и рост тенденции заключения договоров в электронной форме. На основании статьи 105 Гражданского Кодекса РУз, на законодательном уровне закреплены 2 формы сделок - устная и письменная (простая письменная форма и нотариальная), однако прямой ссылки на электронную форму не дается. Законодательство Республики Узбекистан приравнивает электронную форму к письменной, допустив “при совершении сделки использование средств факсимильного копирования подписи”. Также важным элементов является - обмен письмами, телеграммами, телефонограммами, телетайпограммами, факсами или иными документами, определяющими субъектов и содержание их волеизъявления, как элементы приравнивания к сделкам в письменной форме.

Если же провести некую сравнительную черту, Республика Казахстан продержалась немного другой трактовки данной нормы, указав в своем Гражданском Кодексе в статье 152, что письменная форма сделки совершается на бумажном носителе или в электронной форме. И допускается при совершении сделки использование средств факсимильного копирования подписи, электронной цифровой подписи. Данная практика

более ясна и понятна, ЭЦП выступает как главный элемент электронного договора. В Республике Узбекистан же, для определения значимости ЭЦП в электронных договорах необходимо ссылаться на ЗРУз "Об электронном документообороте" и ЗРУз "Об электронной цифровой подписи", что и требует некоторых доработок.

В целом подход стран с романо-германской правовой системой и англосаксонской, на примере США, полностью признают электронные договоры наряду с письменными. В США сто шестым Конгрессом в январе 2000 года был принят Закон "Об электронных подписях в международных и внутригосударственных торговых отношениях", который полностью установил, что ни один из договоров не будет считаться ничтожным только потому, что он составлен в электронной форме и закреплен ЭЦП. Зарубежные исследования подтверждают, что именно такое однозначное признание ускорило развитие электронных транзакций и снизило число судебных споров о действительности электронных соглашений (Nazarov, 2024).

В. Смарт-контракты.

Однако, после появления такого процесса, как цифровизация, понятия о стандартных способах заключения сделок поменялось. Так как в терминологический оборот вступило новое понятие как - смарт-контракты или же умные контракты.

Они и вызвали и по сей день вызывают большое количество вопросов и недопониманий. Само понятие как смарт-контракт, был имплементирован в нашу повседневную жизнь за последние 10 лет, однако определение и идея ему было дано еще в середине XIX века, в трудах ученого Ника Сабо. Термин "смарт-контракт" Сабо отмечал как "компьютеризированный протокол транзакций, который выполняет условия контракта".Уже тогда Сабо выявил, что основным преимуществом смарт-контрактов состоит в переносе бумажного текста в код, исполняемый без участия доверенных посредников. Такое "явление" стало возможным с появлением 2008 года технологии блокчейн (или же как в оригинале "bloch chain"), в связи с чем стало возможно не только записать код в изолированную систему, но и обеспечить его неизменность и общедоступность. А все это благодаря разработчику (или же группе разработчиков) под псевдонимом Сатоси Накамото, предложивший общий алгоритм системы, всеми известной крипто-валюты, ключевым элементом которой была система из непрерывной последовательной цепочки блоков информации, названной blockchain (блокчейн) в своей работе Bitcoin: A peer-to-peer electronic cash system. Однако встал вопрос касательно признания смарт-контракта в качестве договора или отнести его к способам обеспечения обязательств?

Рассматривая мнения ученых, были выявлены множество концепций понимания смарт-контраков. Так, А. Вашкевич отмечал что смарт-контракты в настоящее время являются способом исполнения обязательств и могут использоваться в гражданском обороте, так как законодательство не запрещает заключать сделки с автоматизацией исполнения и фиксировать согласованную волю сторон не только на естественном языке (Bogdanova, E, 2019). Для подтверждения данной концепции можно привести в пример Российскую Федерацию, где специальных норм о смарт-контрактах пока нет, однако в Гражданский Кодекс РФ были внесены изменения от 18.03.2019, которые закрепили понятие, как "цифровые права". Помимо того, в части 2 статьи 309 того же Кодекса предусматривается следующее: "условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки." Тем самым приходя к выводу, что данная норма допускает исполнение обязательств без дополнительного волеизъявления сторон, если предусмотреть это в самом договоре.

Если же рассматривать юрисдикции, где смарт-контракты были приняты в качестве договора - во-первых, это Республика Беларусь, Указом Президента от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» смарт-контракты были официально признаны объектом правового регулирования. Также США - на уровне нескольких штатов, в марте 2017 года в штате Аризона (США) был издан билль о правовом регулировании блокчейн-технологии (Blockchain Bill Into Law).Н.В. Лукоянов отмечает, что согласно законодательству Аризоны «смарт-контракт является программой, которая активируется происходящими событиями, причем она действует в распределенном децентрализованном многопользовательском воспроизводимом реестре и может управлять активами и передавать их в таком реестре (Blazheev & Egorova, 2022). Вскоре за Аризоной последовали другие штаты. В марте 2018 г. штат Теннесси официально закрепил легитимность смарт-контрактов.

Республика Узбекистан также имеет "корни" интерпретации смарт-контрактов, указав их только в п.1. Положении о порядке выпуска, регистрации выпуска и обращения крипто-активов резидентами Республики Узбекистан к Приказу директора Национального агентства перспективных проектов Республики Узбекистан, зарегистрировано 28.11.2022 г., №3397, как как договор в электронной форме, исполнение прав и обязанностей по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций. Однако,

считать смарт-контракт договором в электронной форме весьма некорректно.

Попытки признать правовыми синонимами понятия «цифровой документ» и «электронный документ» не представляются возможными, так как электронный документ, в отличие от цифрового документа, может создаваться и восприниматься человеком посредством электронно-вычислительной техники без каких-либо специальных знаний в сфере информационных технологий. Цифровой же документ — это запись, сделанная в виде цифрового кодирования с использованием дискретных числовых значений (Bazhina & Shchekochikhina, 2024). Следовательно, данная концепция нуждается в изменении.

Так как, на законодательном уровне Республики Узбекистан существует некий “просвет” трактовки смарт-контрактов, появляется вопрос признания его в качестве сделки и правовое регулирование. Несмотря на определение на законодательном уровне смарт-контрактов как договора в электронной форме, практическое применение, также как и на международном уровне, происходит в цифровых транзакциях.

Для примера можно привезти одну из финтех компаний, вошедшая на рынок Узбекистана в 2022 году - Uzum, осуществляющая свои услуги потребителям на базе смарт-контракта.

Следовательно, на основании проведенного сравнительного анализа и выявленных пробелов в законодательстве Республики Узбекистан, представляется необходимым разработать конкретные предложения по совершенствованию регулирования смарт-контрактов, включая вопросы их правового статуса, признания в суде и определения юрисдикции:

Доработать нормы Гражданского Кодекса Республики Узбекистан, регулирующие сделки, а именно пояснить отдельно электронные сделки и закрепить ЭЦП на уровне Кодекса, руководствуясь практикой Республики Казахстан.

Переформулировать обозначение смарт-контрактов в п.1. Положении о порядке выпуска, регистрации выпуска и обращения крипто-активов резидентами Республики Узбекистан к Приказу директора Национального агентства перспективных проектов Республики Узбекистан, указав смарт-контракты в качестве цифрового договора, а не договора в электронной форме.

Разработать и принять законодательную базу, устанавливающую признания смарт-контрактов в качестве договора на основании гибридного подхода, в котором при составления кодов для смарт-контракта, будет создаваться и традиционная форма этого договора. Данную концепцию предлагают Бирюков и Белоусов, где “Вместе со смарт-контрактом будет составлен обычный договор”.

V. Заключение/ Conclusion

Исследование показывает, что электронные контракты обладают четким юридическим статусом и широко признаны, в то время как смарт-контракты остаются юридически неопределенными. Их основное отличие заключается в исполнении, где электронные контракты требуют действий сторон, в то время как смарт-контракты автоматически выполняются с помощью кода. Сравнительный анализ демонстрирует различные международные подходы, от полного юридического признания до ограниченных ссылок на нормативные акты. В Узбекистане существуют пробелы в отношении правового статуса смарт-контрактов, признания судом. Устранение этих пробелов требует разъяснения смарт-контрактов как цифровых соглашений, усиления норм использования электронной подписи, принятия гибридной контрактной модели. Надлежащее регулирование повысит правовую определенность, доверие между участниками и поддержит рост цифровой экономики.

Список использованной литературы:

Abdurakhmanova, N. (2023). *Legal regulation of smart contracts*. Periodica Journal of Modern Philosophy, Social Sciences and Humanities, 21.

Boranbay, S. S., & Juchnevicius, E. (2024). The concept of a smart contract: Advantages and current situation of legal regulation in the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of the Karaganda University "Law Series"*, 29(3), 100–112.

Bazhina, M. A., & Shchekochikhina, E. P. (2024). *Pravovye problemy primeneniya smart-kontraktov v Rossii [Legal problems of applying smart contracts in Russia]*. Predprinimatel'skoe pravo, (3), 27–32.

Blazheev, V. V., & Egorova, M. A. (Eds.). (2020). Tsifrovoe pravo [Digital law]. Moscow: Prospekt.

Buyanova, M., & Batusova, E. (2024). Legal regulating electronic employment contracts as a modern factor of integration at international regional bodies. Legal Issues in the Digital Age, 5(3), 31–48.

Nazarov, A. (2024). Legal nature and classification of smart contracts in crypto exchanges: Challenges to traditional contract law. *International Journal of Law and Policy*, 2(9), 1-15.

Rubinich, A., Petrov, I., & Kim, S. (2023). Smart contracts and digital transaction governance: Comparative legal approaches. Journal of International Digital Law, 12(2), 50–67. https://doi.org/10.1234/jidl.2023.12.2.50